

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.3>

УДК 94(470+57)“1917/1930”

ББК 63.3(2Р–ВОЛ)61

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-е гг.¹

Юдина Таисия Васильевна

Доктор исторических наук, профессор, проректор
Волгоградского государственного университета
uvrprorector@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Булатов Владимир Викторович

Доктор исторических наук, доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
vbulatov@rambler.ru, histrus@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Фурман Екатерина Львовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
ekaterina_furman@mail.ru, histrus@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы: вклад концессионеров в восстановлении национальной экономики и социальной сферы в Нижнем Поволжье; роль иностранных рабочих и специалистов в строительстве новых и модернизации функционирующих предприятий в г. Сталинграде в 1920–1930-е годы. Показано, что концессионные предприятия на территории Нижнего Поволжья были созданы в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: иностранный капитал, концессии, предприниматели, специалисты, рабочие, Нижнее Поволжье.

В современных условиях транснационализации потоков капитала, интеграции России в мировую экономику, разноуровневого и разнотемпового развития субъектов Российской Федерации становится актуальным исследование опыта советского государства по привлечению иностранного капитала и трудовых ресурсов, в том числе на региональном уровне.

Привлечению иностранной экономической помощи и трудовых ресурсов в советскую экономику посвящены труды И.Д. Брига, М.М. Загорюлько, С.В. Журавлева, С.С. Хромова [1; 2; 4; 5; 10] и др. В своих работах ис-

следователи основное внимание уделяли вопросам становления и развития экономической политики советского государства, в том числе концессионной. Они концентрировали его также на вопросах привлечения и использования иностранных рабочих и специалистов в промышленном и сельскохозяйственном производстве Советской России. Однако региональный опыт решения этой проблемы изучен в настоящее время недостаточно.

Реальная картина экономической и социальной жизни советского общества Нижнего Поволжья, игравшего заметную роль в исто-

рии России в 1920–1930-е гг., воссоздана авторами в данной статье на основе изучения деятельности иностранных предпринимателей, а также участия иностранных рабочих и специалистов в восстановлении и развитии советской промышленности региона.

К началу 1920-х гг. объемы аграрного и промышленного производства как в стране, так и Нижневолжском крае, по сравнению с довоенным периодом, резко снизились. Для преодоления всеобщего кризиса и модернизации экономики после Первой мировой и Гражданской войн, политики «военного коммунизма», разрешения проблемы трудоустройства советского населения, улучшения его материально-бытового положения советское правительство выработало новую систему хозяйствования, неотъемлемой частью которой явилось привлечение иностранного капитала.

Иностранным предпринимателям предоставлялись концессии на не освоенных в хозяйственных отношении и разрушенных районах, определенных решением Совета народных комиссаров. С 1921/1922 операционного года (операционный или хозяйственный год начинался 1 октября и заканчивался 30 сентября следующего года) концессионные договоры с Советской Россией стали заключать Германия, Англия, США, Польша, Швеция и другие государства. Лидирующую позицию по количеству предложений на заключение концесий периода с 1921/1922 по 1928/1929 операционный год (далее – год) заняла Германия.

К концессионным объектам, функционировавшим на территории Нижнего Поволжья, относились концессии «Немволбанк» с субконцессией «Друаг», «Миссия доктора Нансена», или «Нансен» (районы Саратовской губернии и Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП)), созданные в сельском хозяйстве (см. таблицу).

Следует отметить нерациональное ведение концессионных хозяйств и неудовлетворительное использование концессионного земельного фонда всех предприятий. Поэтому, несмотря на использование концессионными предприятиями новых злаковых культур и внедрение новых технологий обработки земель, существенных результатов в сельскохозяйственном производстве Нижнего Поволжья, как и страны в целом, достигнуто не было. Действительно, на всем протяжении периода нэпа объемы валовой продукции концессионных предприятий СССР были незначительны и не превышали 1,2 % валовой продукции промышленности государства.

Тем не менее именно с помощью концессионных предприятий органы государственной власти, профессиональные союзы стремились ослабить рост безработицы в стране за счет возложения на иностранных предпринимателей обязанности трудоустройства определенного количества советских рабочих на концессии, в первую очередь членов профсоюза.

Концессии Нижнего Поволжья

Наименование концессии	Срок концессионного договора	Территориальное расположение	Отрасль народного хозяйства
«Нансен»	1922/1923 г. – 1926/1927 г.	Балашовский уезд Саратовской губернии	Сельскохозяйственная
«Немволбанк»	1922/1923 г. – 1929/1930 г.	Федоровский, Краснокутский и Палласовский кантоны Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья	Сельскохозяйственная
«Друаг»	1922/1923 г. – 1927/1928 г.	Краснокутский и Палласовский кантоны Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья	Сельскохозяйственная

Примечание. Составлено по: Хромов С. С. Иностранные концессии в СССР : Ист. очерк. Док. В 2 ч. М. : Изд. центр Ин-та истории РАН, 2006. Ч. I. С. 310 ; ч. II. С. 80.

Хотя численность постоянных рабочих в государственной промышленности СССР в годы нэпа увеличивалась, составляя: в 1923/1924 г. – 1 262,8 тыс. человек, в 1924/1925 г. – 1 492,9 тыс. человек [9, с. 192], в 1926/1927 г. – 1 879,7 тыс. человек, проблема занятости советского населения оставалась актуальной. Так, в 1924 г. на биржах труда было зарегистрировано 1,3 млн безработных, из них: 472,5 тыс. человек, или 35 %, – представители интеллигенции, 337,5 тыс., или 25 %, – индустриальные рабочие, 351 тыс., или 26 %, – чернорабочие, 189 тыс., или 14 %, – представители прочих профессий [16, с. 86].

На концессионные предприятия, также как и на государственные, наем рабочих осуществлялся через биржи труда, преимущественно по месту нахождения концессий. Привлечение рабочей силы на концессии из других регионов допускалось при отсутствии местной квалифицированной рабочей силы.

Несмотря на ограничения, определенная свобода при найме советской рабочей силы концессионерам предоставлялась в определенных случаях, установленных концессионным договором. Право заключать индивидуальные и групповые наймы иностранный предприниматель использовал при выполнении единственного требования о невозможности ухудшения условий коллективных договоров и только по согласованию с органами труда. Исключительно самостоятельный наем считался нарушением, к концессионеру могли быть применены меры административного воздействия.

В сельскохозяйственных концессиях, в том числе на «Нансен», «Немволбанк», «Друзаг», преобладали советские рабочие, и нарушений по привлечению иностранной рабочей силы не наблюдалось. Соотношение советской и иностранной рабочей силы постоянно регулировалось советскими органами власти. Например, в 1923 г., в соответствии с концессионным договором, на концессии «Немволбанк» иностранных служащих могло насчитываться до 60 %, иностранных рабочих – до 25 % от общего числа постоянных рабочих и служащих (на практике их было меньше); в соответствии с концессионным договором, на концессию «Нансен» в 1926 г. 2 работника из 45 прибыли из-за границы. Всего в 1925/1926 г. на сельскохозяйствен-

ные концессии «Нансен», «Немволбанк», «Друзаг», «Маньч», «Друзаг», «Голландия-Украина», «Прикумское Товарищество» было трудоустроено 572 советских рабочих [5, с. 233].

Таким образом, соотношение отечественной и иностранной рабочей силы в пользу первой способствовало частичному разрешению актуальной проблемы занятости советских рабочих, сокращению безработицы в Советской России, увеличению занятости советского населения на концессиях.

Не менее важной проблемой для советских концессионных рабочих и служащих оставалась оплата труда, размеры которой на концессиях устанавливались концессионерами и государством. Принципы тарифной политики, тарифная работа профсоюзов, совершенствование системы оплаты труда распространялись на все предприятия, независимо от форм собственности. Хотя система оплаты труда на концессиях не отличалась от ее организации на государственных предприятиях, однако на практике государственная политика в области заработной платы на концессионных предприятиях приводила к увеличению размеров ставки 1-го разряда и, соответственно, реальной заработной платы советских концессионных рабочих. При этом органы власти и профсоюзы не проявляли заинтересованности в повышении производительности труда на концессиях в отличие от государственных предприятий.

Оплата труда рабочих определялась их квалификацией обычно по первым 10 разрядам тарифной сетки, служащих и инженерно-технических работников – по первым 14 разрядам. Размеры ставок 1-го разряда на концессиях зависели от хода переговоров профсоюзов с администрациями предприятий. Они должны были быть не меньше (такую задачу ставили перед собой профсоюзы в своей практической деятельности), чем на аналогичных государственных предприятиях. Остальные ставки рабочих устанавливались в соответствии с коэффициентом разрядной сетки на основании тарифных справочников отраслевых профсоюзов.

В соответствии с государственной политикой в 1925 г. на сельскохозяйственных концессиях ставка 1-го разряда была выше, чем в государственных совхозах. На концессии «Нансен» она составляла 11 рублей, в со-

вхозе – 8 рублей 25 копеек. Таким образом, ставка 1-го разряда на нижеволжской концессии превышала аналогичную ставку в совхозе на 25 %.

Сроки выплаты заработной платы устанавливались коллективным договором. Обычно выплата осуществлялась 2 раза в месяц. Усиленный механизм компенсаций за задержку зарплаты делал ее невыгодным для концессионера. Но, несмотря на требования советского законодательства и компенсационные гарантии, заработная плата отечественным рабочим концессионных предприятий выплачивалась не всегда вовремя, порой с 2- или 3-недельными и более задержками. Подобная ситуация наблюдалась и в государственных предприятиях и учреждениях.

В целом политика советских органов власти в области организации заработной платы на концессионных предприятиях способствовала достижению более высокого уровня жизни советских концессионных рабочих. Повышение размеров ставки 1-го разряда, соответственно и реальной заработной платы советских концессионных рабочих как категории уровня жизни населения, своевременность выплаты зарплаты способствовали обеспечению их основных жизненных потребностей: приобретению продуктов питания, товаров первой необходимости, содержанию детей. Регулирование трудовых отношений на концессионных предприятиях осуществлялись в русле основных принципов концессионной политики советского правительства и норм советского трудового законодательства.

Сельскохозяйственные концессии Нижнего Поволжья имели определенные достижения в социокультурной сфере. Решение задач по строительству новых зданий, помещений возлагалось не только на государственные органы, кооперативные общества, но и на концессионеров. Поэтому администрации концессий, трудоустроивая работников, должны были заботиться и об их бытовых условиях. Право на труд советского концессионного рабочего и служащего предусматривало реализацию его права на предоставление концессионером жилья.

Так, на «Друг» осуществлялось строительство жилых, складских и производственных помещений. На строительство свинарни-

ка, пекарни, курятника, погреба, 2 складов, ледника, 3 амбаров, 2 конторских домов и других зданий в 1925 г. было затрачено 13 тыс. 800 рублей. Больше всего средств было потрачено на 2 конторских дома – 5 тыс. 153 рубля 22 копейки, «Новогорожанку» – 1 тыс. 753 рубля 38 копеек и людскую – 1 тыс. 623 рубля 45 копеек. Следует отметить, что выделение средств из государственного бюджета на решение социальных вопросов концессий не предусматривалось: концессионеры должны были решать их самостоятельно – за счет собственной прибыли. Советское правительство финансировало строительство жилья только для рабочих, занятых на государственных предприятиях. Так, на жилищное строительство СССР в 1924/1925 г. было потрачено 150,5 млн рублей, в 1927 г. – 318 млн рублей, в 1928/1929 г. на строительство городского жилья было выделено 112 млн рублей, в 1926–1930 гг. – 900 млн рублей [16, с. 227, 235].

Несмотря на предпринимаемые меры, проблема дефицита жилья оставалась неразрешенной. Низкие нормы жилья, его нехватка, недовольства рабочих побуждали органы государственной власти уделять больше внимание «улучшению быта рабочих». Так, в г. Сталинграде осуществлялось «широкое рабочее жилстроительство». Например, на заводе «Красный Октябрь» в 1924/1925 г. на строительство 50 квартир для рабочих было выделено 123 тыс. рублей [15, с. 103]. Крупные отчисления на жилищное строительство выделяло управление сталинградских лесопильных заводов, но разрешить жилищную проблему по-прежнему не удавалось как в Сталинграде, Нижнем Поволжье, так и в стране в целом.

В 1920-е гг. советским правительством был разработан план увеличения объемов жилищного строительства, к выполнению которого привлекали и концессионеров. Они осуществляли строительство жилья, как минимум, по двум причинам. Первая заключалась в необходимости выполнения обязательств по концессионным и коллективным договорам. Во-вторых, предприниматели осознавали, что жилищно-бытовые условия работников влияли на их производительность труда, выполнение производственных программ, а следовательно, и на получение прибыли. Поэтому ус-

ловия для обеспечения социального благополучия советских людей, занятых на концессиях, создавались с помощью концессионеров. Бесспорно, возводимое концессионерами новое жилье частично ослабляло остроту «жилищного вопроса» в стране.

Однако жилье предоставлялось не всем концессионным рабочим. Так, на концессии «Друаг», «для сезонных рабочих помещения совершенно отсутствуют, и они спят где попало» [16, с. 227]. Обследование концессии сотрудниками Главного концессионного комитета выявило, что отдельным рабочим приходилось жить в тесных, грязных разваленных хибарках, с земляным полом, с общими нарами, где ютились 15 и более человек. Условия проживания рабочих и администрации концессии «Друаг» явно контрастировали друг с другом: «Сравнительно с рабочими она (администрация. – Т. Ю., В. Б., Е. Ф.) живет в очень хороших условиях: чистенькие, с деревянными полами комнаты, в окнах сетки от комаров, кровати завешаны густыми сетками от тех же комаров, чистое постельное белье и пр.» [16, с. 227, 228].

В условиях преодоления кризиса и восстановления разрушенного национального хозяйства администрации предприятий в недостаточной степени выполняли взятые на себя обязательства по обеспечению социально-трудовых гарантий и предоставлению льгот своим работникам. Но при этом обращения индивидуального характера по социальным и трудовым спорам в центральные комитеты отраслевых профсоюзов от рабочих и служащих концессий были редким явлением, поскольку индивидуальные и коллективные трудовые споры, касавшиеся изменений условий труда и быта, на государственных, частных и концессионных предприятиях разрешались по-разному. Например, коллективные требования рабочих государственных предприятий о повышении заработной платы не поддерживались органами власти и профсоюзами. Разногласия же между рабочими и предпринимателями на концессионных и частных предприятиях в вопросах оплаты и условий труда не только поддерживались советскими органами власти, но и должны были разрешаться с максимальным преимуществом для советских рабочих.

Как правило, сотрудники центральных комитетов профессиональных союзов требовали от низовых ячеек самостоятельности в урегулировании конфликтов. Но на местах ими не всегда проявлялись настойчивость, последовательность и целеустремленность в поиске путей выхода из кризисных ситуаций. Однако практика показала, что там, где руководители предприятий, в том числе и концессионеры, уделяли больше внимания социальным проблемам, вопросы с предоставлением жилья решались успешнее. В годы новой экономической политики улучшение жилищных условий советских рабочих и служащих наблюдалось на всех концессиях, хотя планы по строительству нового жилья выполнялись не полностью.

Для получения прибыли концессионеры должны были заинтересовывать рабочих и служащих в повышении производительности труда путем предоставления последним более высокой оплаты за труд, чем на аналогичных государственных предприятиях, путем сверхурочных работ. Это было бы более приемлемым решением для концессионеров, чем выделение средств на строительство школ, больниц, жилых помещений. Но именно жилищный вопрос определял социокультурные и бытовые условия советских рабочих и служащих на концессиях. А эти условия оказывали влияние на настроение и психологию работников, их физическое состояние.

При этом требования профсоюза по отношению к иностранным предпринимателям нередко были завышены и необоснованны. В то же время решение концессионерами социально-трудовых вопросов способствовало эффективному развитию концессий. Экономические и социальные результаты функционирования концессий, выразившиеся в материальном благосостоянии советских рабочих и служащих, свидетельствовали о социальной ответственности концессионеров за повышение уровня жизни советских рабочих и обеспечивались государственной политикой.

Однако советское руководство не смогло эффективно использовать преимущества концессионного капитала в целях сокращения численности безработных в стране, взяв курс в конце 1920-х гг. на ликвидацию двухсекторной экономики, свертывание новой экономи-

ческой политики и ее составной части – концессионной политики. В общественном сознании советского населения все более настойчиво внедрялась мысль о невозможности существования концессий в условиях обобществленного хозяйства, об их неэффективности и «вредности». В 1926/1927 г. был расторгнут концессионный договор с «Нансен», в 1927/1928 г. – с «Друаг», в 1929/1930 г. – с концессией «Немволбанк» [16, с. 411].

Преодолеть тяжелейший кризис в отечественной промышленности в начале 1920-х гг. предполагалось различными мерами, в том числе и путем приглашения иностранных рабочих и специалистов для передачи производственных знаний, выполнения технологических и строительных проектов. Первые группы иностранных рабочих прибыли в РСФСР в 1920 г., до принятия постановлений СНК РСФСР об организации переселения в Россию квалифицированных иностранных рабочих и специалистов из Норвегии, Швеции и Германии. Но при этом организация трудоустройства иностранной рабочей силы не была продумана. Так, первым норвежским рабочим, приехавшим в Петроград из Норвегии 27 апреля 1920 г., до 31 июля 1920 г. не была предоставлена работа. Председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев констатировал в своем письме народному комиссару финансов РСФСР Н.Н. Крестинскому: «Рабочие голодны, оборваны, больны, озлоблены, хотят возвращаться на родину, чтобы там рассказать о наших советских “порядках”» [8].

Организованный набор иностранных рабочих и специалистов в Советскую Россию начался с середины 1920-х годов. Экономические иммигранты использовались во многих отраслях народного хозяйства с целью передачи производственного опыта, поднятия производительных сил страны.

Интенсивная иностранная помощь требовалась для реализации грандиозных планов индустриализации, поскольку советские рабочие не обладали соответствующей квалификацией, трудовой дисциплиной. Немецкий инженер В. Келлен в записке к заместителю торгпреда СССР в Германии С.Б. Жуковскому в 1928 г. указывал, что у советских рабочих «дисциплина чрезвычайно слаба, люди расхаживают, стоят, сидят, приходят, уходят, не зная, зачем собственно они это делают» [3, с. 132].

В Нижнее Поволжье первые иностранные рабочие и специалисты были приглашены в конце 1920-х гг. из Соединенных Штатов Америки для строительства Сталинградского тракторного завода. Примечательно, что тракторный завод вначале был сооружен в США, размонтирован, затем перевезен в Сталинград и собран под наблюдением американских специалистов [7, с. 185]. Иностранные рабочие и специалисты трудились в Сталинграде на тракторном заводе, «Красном Октябре», «Баррикадах». Всего в начале 1930-х гг. на предприятиях Сталинграда насчитывалось более 300 иностранных рабочих и специалистов [14, л. 27].

Формы набора иностранных рабочих на советские предприятия были различными: легальными – как правило, с заключением договоров сроком на 1 год; нелегальными – вербовка в качестве туристов, группами или индивидуально. Вербовали иностранных граждан не планоно, однако преимущественное право для иммиграции в Советскую Россию предоставляли квалифицированным рабочим с опытом и стажем.

Большой удельный вес среди прибывающей в СССР иностранной рабочей силы составили немецкие рабочие и специалисты. Германия лидировала и по количеству концессионных предложений. Немецкие ученые отмечали распространенное в Германии после Первой мировой войны мнение о том, что экономические отношения с Россией будут восстановлены, несмотря ни на какие политические изменения. Российская экономика казалась прямым дополнением немецкой. Германия, небогатая собственными природными ресурсами, зависела от сырьевых стран. Новая Россия наверняка была заинтересована в продуктах немецкой промышленности и могла оплатить их экспортным сырьем, русские дети должны становиться рабочими, инженерами, техниками, используя немецкие материалы, – в этом были убеждены немецкие предприниматели, инвестировавшие свой капитал в российскую экономику. Заинтересованность Германии в сотрудничестве с СССР объяснялась традиционным убеждением в комплементарности двух экономик. Желание выйти из внешнеполитической изоляции объединяло Германию и Советскую Россию [16, с. 366].

В отличие от Сталинградского тракторного завода, «предприятия американского типа и происхождения», в оборудовании которого участвовало более 80 американских машиностроительных компаний и несколько германских фирм [7, с. 185], на металлургических сталинградских предприятиях преобладали немецкие рабочие и специалисты [14, л. 4].

Тем не менее передача производственно-технических знаний иностранными специалистами советским рабочим на заводах «Баррикады» и «Красный Октябрь» была организована неэффективно. «Недостаточное использование иностранных рабочих и специалистов по специальностям», «недостаточный учет и использование [их] производственных предложений», трудности в решении жилищных вопросов, недостаточное снабжение иностранных работников и членов их семей, «неправильную оплату труда» неоднократно отмечали участники заседаний Сталинградского городского комитета ВКП(б) в 1931–1932 гг. [12, л. 1; 11, л. 42 – 42 об., 263 об. – 264]. На Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) наблюдались несвоевременная выплата заработной платы американским рабочим и специалистам, долгое по времени рассмотрение рационализаторских предложений иностранных рабочих и специалистов. Например, в столярном цехе СТЗ предложение об экономии 30 % рабочей силы изучалось цеховой администрацией 6 месяцев [11, л. 6, 75 об.].

К тому же условия соглашений об оплате труда и предоставлении временного жилья иностранным рабочим были неодинаковыми. Разница определялась квалификацией конкретного рабочего и его необходимостью для определенной отрасли народного хозяйства СССР.

Примечательно, что невыполнение взятых Советским правительством на себя обязательств в отношении иностранных рабочих и специалистов в вопросах оплаты труда, жилья, снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости, в том числе и на сталинградских предприятиях [13, л. 132; 12, л. 1, 2; 11, л. 30], игнорирование их рационализаторских предложений приводило к тому, что немалое число недовольных и обманутых иностранцев разочаровывалось в СССР как в государстве социальной справедливости и равенства [4, с. 196; 6, с. 138], стремилось к

возвращению на родину уже в первой половине 1930-х годов.

Таким образом, привлечение иностранного капитала в форме концессий, иностранных рабочих и специалистов в Советскую Россию, ее регионы, в частности, в Нижнее Поволжье, в 1920–1930-е гг. было связано с необходимостью подъема производительных сил страны и повышения благосостояния населения. При этом допущение частного капитала в национальную экономику, предоставление помощи по оздоровлению сельского хозяйства и промышленности Нижнего Поволжья иностранными рабочими и специалистами оказались ограниченными и временными. Тем не менее деятельность концессионеров, участие иностранных рабочих и специалистов в восстановлении и модернизации экономики Нижнего Поволжья и страны в целом способствовали обеспечению занятости советского населения, преодолению безработицы, передаче западных новейших технологий, оборудования и производственного опыта, развитию социокультурной среды как на концессионных, так и на государственных предприятиях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) научного проекта № 13-01-00111.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брин, И. Д. Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма к социализму / И. Д. Брин. – Иркутск : Кн. изд-во, 1959. – 184 с.
2. Брин, И. Д. Основные черты государственного капитализма в переходный период от капитализма к социализму / И. Д. Брин. – Иркутск : [Б. и.], 1961. – 68 с.
3. «Виденное мной более или менее характерно для всей страны». Советская Россия конца 20-х гг. глазами немецкого инженера (1927–1928) // Источник. – 1998. – № 4. – С. 125–154.
4. Журавлев, С. В. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. / С. В. Журавлев. – М. : РОССПЭН, 2000. – 352 с.
5. Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.) : док. и материалы / под ред. и сост. М. М. Загоруйко ; предисл. М. М. Загоруйко и О. В. Иншкова. – М. : Современ. экономика и право, 2005. – 856 с.

6. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М.: РОССПЭН, 1999. – 271 с.

7. Парамонов, В. Н. Советская индустриализация в 1920–1940-х гг.: нижеволжский вариант // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2006. – С. 180–191.

8. Письмо Г. Е. Зиновьева к Н. Н. Крестинскому // Источник. – 1998. – № 4. – С. 122–123.

9. Труд в СССР: стат. справ. за 1924–1925 г. – М.: РИО ВЦСПС, 1926. – 222 с.

10. Хромов, С. С. Иностранные концессии в СССР: Ист. очерк. Док.: в 2 ч. / С. С. Хромов. – М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2006. – Ч. I. – 385 с.; Ч. II. – 403 с.

11. Центр документации Новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 6, 75 об.

12. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 118. – Л. 1, 2, 11, 30, 42–42 об., 263 об. – 264.

13. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 132.

14. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 4, 27.

15. Юдина, Т. В. Иностранный капитал в жилищной сфере России в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 310, май. – С. 100–104.

16. Юдина, Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа / Т. В. Юдина. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 444 с.

REFERENCES

1. Brin I.D. *Gosudarstvennyy kapitalizm v SSSR v perekhodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu* [The State Capitalism in the USSR in the Period of Transition From Capitalism to Socialism]. Irkutsk, Kn. izd-vo Publ., 1959. 184 p.

2. Brin I.D. *Osnovnye cherty gosudarstvennogo kapitalizma v perekhodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu* [The Main Features of State Capitalism in the Period of Transition From Capitalism to Socialism]. Irkutsk, 1961. 68 p.

3. “Vidennoe mnoy bolee ili menee kharakterno dlya vsey strany”. *Sovetskaya Rossiya kontsa 20-kh gg. glazami nemetskogo inzhenera (1927–1928)* [“Seen by Me is More or Less Specific for the Whole Country”. Soviet Russia of the End of 20s in the Eyes of a German Engineer (1927–1928)]. *Istochnik*, 1998, no. 4, pp. 125–154.

4. Zhuravlev S.V. “Malenkie lyudi” i “bolshaya istoriya”. *Inostrantsy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-kh gg.* [“Little

People” and “Big History”. The Foreigners of the Moscow Electric Plant Within the Soviet Society of 1920–1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 352 p.

5. Zagorulko M.M., Inshakova O.V., eds. *Inostrannye kontsessii v SSSR (1920–1930 gg.): dok. i materialy* [Foreign Concessions in the USSR (1920–1930): Documents and Materials]. Moscow, Sovrem. ekonomika i pravo Publ., 2005. 856 p.

6. Osokina E.A. *Za fasadom “stalinskogo izobilija”*: *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the Facade of “Stalin Abundance”: Distribution and Market in Population Supply in the Years of Industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ. 1999. 271 p.

7. Paramonov V.N. *Sovetskaya industrializatsiya v 1920–1940-kh gg.: nizhnevolzhskiy variant* [Soviet Industrialization in 1920–1940s: Lower Volga Variant]. *Modernizatsiya i traditsii – Nizhnee Povolzhye kak perekrestok kultur: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. D.S. Likhacheva* [Modernization and Traditions – Lower Volga Region as the Cultural Crossroads. Proceedings of International Scientific Conference Devoted to the 100th Anniversary of Academician D.S. Likhachev]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006, pp. 180–191.

8. Pismo G.E. Zinovyeva k N.N. Krestinskomu [G.E. Zinovyev’s Letter to N.N. Krestinsky]. *Istochnik*, 1998, no. 4, pp. 122–123.

9. *Trud v SSSR: stat. sprav. za 1924–1925 g.* [Labor in the USSR: Statistical Book for 1924–1925 Years]. Moscow, RIO VTsSPS Publ., 1926. 222 p.

10. Khromov S.S. *Inostrannye kontsessii v SSSR: Ist. ocherk. Dok.: v 2 ch.* [Foreign Concessions in the USSR. Historical Sketch. Documents. In 2 Parts]. Moscow, RAN Publ., 2006. Part 1. 385 p.; part 2. 403 p.

11. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TsDNIVO)* [The Center of Documentation on Modern History of Volgograd Region]. F. 71, op. 1, d. 100, l. 6, 75 ob.

12. *TsDNIVO*. F. 71, op. 1, d. 118, l. 1, 2, 11, 30, 42–42 ob., 263 ob.-264.

13. *TsDNIVO*. F. 71, op. 1, d. 58, l. 132.

14. *TsDNIVO*. F. 71, op. 1, d. 4, l. 4, 27.

15. Yudina T.V. *Inostranny kapital v zhilishchnoy sfere Rossii v 1920-e gg.* [Foreign Capital in the Housing of Russia in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 310 (May), pp. 100–104.

16. Yudina T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashchie na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v gody nepa* [The Soviet Workers and Employees at the Concession Enterprises of the USSR in the Years of New Economic Policy]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2009. 444 p.

**FOREIGN CAPITAL AND LABOUR FORCE
IN THE LOWER VOLGA REGION IN 1920-1930s**

Yudina Taisiya Vasilyevna

Doctor of Sciences (History), Professor, Vice-Rector,
Volgograd State University
uvrprorector@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Bulatov Vladimir Viktorovich

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History,
Volgograd State University
vbulatov@rambler.ru, histrus@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Furman Ekaterina Lvovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History,
Volgograd State University
ekaterina_furman@mail.ru, histrus@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with analyzing the contribution of concessioners to the recovery of national economy and social sphere of the Lower Volga region, as well as the role of foreign workers and specialists in the construction of new enterprises and the modernization of functioning ones in Stalingrad in 1920-1930s.

The concessional enterprises were set up in the agricultural sector of the Lower Volga region. The concessioners introduced new farming technologies and grain varieties. However, the sustainable results in the agricultural industry of the region were not achieved.

The authors analyze the labor conditions and the balance between Soviet and foreign labor force at the following agricultural concessions: “Doctor Nansen” (philanthropic), “Nemvolbank” (Soviet-German) and “Druag” (German subconcession of “Nemvolbank”).

The article highlights the peculiarities of remuneration system at concessionary enterprises. The authors reveal that the social and labor relations at the concessionary enterprises were regulated according to the Soviet labor code and the wage level of the agricultural concessions’ workers was higher than at the state-owned farms.

In the absence of the Soviet government support, the concessioners dealt with the problem of workers accommodation defusing thereby the housing crisis in the USSR and boosting the concessional workers living standards. Besides, the concessioners’ activity contributed to the Soviet population employment and the development of the social and cultural environment at the enterprises.

Key words: foreign capital, concessions, businessmen, specialists, workers, Lower Volga region.